

ФОРМА ВЛАСТИ ИЛИ НЕЗАВИСИМОЕ СУЖДЕНИЕ

Редакция журнала завершает опрос, посвященный критике, который был начат в прошлом выпуске «Вопросов театра» (вып. XI, 2012, № 1–2). Тогда театральные критики Москвы и Санкт-Петербурга дали свои развернутые ответы на поставленные нашим изданием вопросы.

В этом номере на ту же тему высказывается ведущая режиссура двух столиц. Мы предложили следующие вопросы:

1. Усилились ли тенденции клановой критики? Существует ли практика круговой поруки? Если да, то как защититься от искажений? Видите ли вы опасность для театра в этой тенденции?
2. Какой текст/ публикация вас возмутил и чем? Какой был высоко оценен вами и почему?
3. Случалось ли, что критическая статья, написанная по поводу вашего спектакля, была для вас профессионально полезной, или вы, как чеховский Тригорин, могли бы сказать: «Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе ...».
4. Возможно ли сегодня независимое суждение критика?
5. Допустимо ли, чтобы критик был обозревателем по вопросам театра и одновременно являлся куратором фестивалей? Чтобы он оценивал и награждал свои же проекты?
6. Являетесь ли вы пользователем Интернета? Достаточно ли вам информации о театре, полученной через Интернет? Какое влияние оказывает Интернет, социальные сети на институт театральной критики?
7. Как отражаются на театральном процессе изменения в театральной критике?
8. Мешает ли вам сегодняшнее преобладание театральной журналистики над театроведением и театральной критикой?
9. Приглашение на премьеру, почетное место в партере – вопрос статуса и авторитета критика, или – отношения к вам и вашему театру?

Юрий СОЛОМИН

Художественный руководитель Малого театра.

Народный артист СССР

Актер, режиссер, педагог, заведующий кафедрой мастерства актера ВТУ им. М.С. Щепкина, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук России

1. Клановость существует везде – и в критике тоже. Взять любой журнал или любую газету, и сразу можно сказать, кто и зачем там пишет, о ком упоминают, а о ком вообще молчат. Замалчивание или умалчивание – ведь

тоже часть клановой политики. В качестве примера могу привести несправедливое игнорирование работ блистательной актрисы, руководительницы МХАТа им. М. Горького – Татьяны Дорониной. Разве это справедливо? И причина совсем не в том, что нет Товстоногова и у Дорониной нет ролей, вдохновленных Георгием Александровичем, а потому что она в свое время слишком активно добивалась правды. Она человек прямолинейный, страстный. Я был свидетелем тех давних стычек на Верховном совете и на собраниях СТД, когда обсуждались вопросы культуры. Она взвалила на себя машину под названием театр,

выдерживая космические перегрузки, и после этого должна читать рецензии, где употребляются нецензурные слова или оскорбительные многоточия по собственному адресу, по адресу своего коллектива. Мне кажется, подобный способ критического высказывания – порочный, направленный на уничтожение оппонентов. Кто-то сказал: «Пусть цветут все цветы».

Малый театр находится не на зрительской обочине, как утверждают некоторые. Малый находится на отдельной поляне, вокруг которой произошел захват земли, на которой теперь строят дачи. А дом Малого театра был построен давно. Даже юбилей его отмечался (ведь нельзя же не отмечать!), на котором вспоминали о достойных людях, многое сделавших для русской культуры в целом. Говорить бы о них чаще, а не только на юбилеях. Но если кто-то из критиков и вспоминает их сегодня, то с осторожностью, обтекаемостью в формулировках...

Я знаком со многими критиками и своего возраста, и старше, и моложе себя. Кстати, те, что старше, всегда были более лояльными. Те, кому становилось за семьдесят, переставали писать рецензии или переходили в науку. Но я прекрасно понимал, что это их вынужденная позиция. Ученики их продолжали уважать, но подвигали на обочину. В результате, появилось множество очень активных людей.

У меня возникает вопрос: для чего существует критика? Для мордования режиссеров или театров? Для уничтожения молодого неопытного актера или актрисы? Для того, чтобы подрубать то дерево, на суку которого критика сидит? Стремление возвести в пример все «не наше» кажется мне сомнительным. Как можно говорить, например, о приехавшем зарубежном режиссере «ну куда нам до него!...». Нельзя так. Бывали и во времена Станиславского в России европейские режиссеры, однако же, имя Станиславского известно во всем мире. Я не буду перечислять наших режиссеров, к которым относятся на Западе с большим уважением. У нас есть много и провинциальных постановщиков, которые не повторяют путь некоторых выскочек, ставящих с ног на голову величайшие произведения классики, Чехова, например.

Критика должна быть такой же доброжелательной, как педагогика в театральных вузах. Педагог – он и критик, и мама, и папа. Я учился у Пашенной, Полонской, Гладкова, Головина, Царева. Эти педагоги старой школы никогда не унижали. У человека не получилось что-то сделать, мало ли по каким причинам, но мы знаем, мы видели его прежние работы, и теперь пытаемся разобраться. Педагог разбирает, анализирует, поправляет ошибку, но он не ругает. Фаина Георгиевна Раневская вспоминала, как она работала у Таирова, как трудно ей давались некоторые роли. Но гениальный режиссер всегда ее хвалил, тем самым он спас и вырастил великую Раневскую. Однажды я видел в Малом театре как один молодой эмоциональный режиссер кричал на совсем немолодого актера, оскорблял его. А артист стоял и смотрел ему в глаза. Потом тихо сказал: «Если ты еще раз на меня крикнешь, я тебя убью». Впоследствии режиссер старался всячески избегать встречи с этим актером. Я всегда уходил от таких режиссеров. Однажды отказался играть у самого Бабочкина в «Грозе», хотя очень уважал его как актера и режиссера. Он предложил мне одну из главных ролей – Бориса в «Грозе», накануне незаслуженно и сильно обругав меня в «Пучине» (хотя многие говорили, что я неплохо там сыграл). Потом он понял, что перебрал и нужно быть осторожнее.

Если бы я увидел критика, написавшего хамскую статью, я бы при своих больших руках ударил его (имею в виду мужчину, конечно).

Критика – профессия, которая способствует росту культуры. Сейчас же все думают о

себе или примерно так: «ох, как я сейчас размордую режиссера, которого все хвалят!». Я сначала очень переживал, пытался что-то говорить, возражать. А потом перестал, потому что постоянно чувствуешь себя виноватым. Наша жизнь заставляет нас всегда чувствовать себя виноватым: придешь ли в ЖК, посмотрит ли на тебя милиционер.

2. 3. Какая публикация за последнее время возмутила? Да каждая вторая. Даже не знаю, что и делать. Самое страшное, что началось планомерное уничтожение традиционного театра. Малый театр ездит с гастролями за рубеж не меньше, чем другие. Только репертуар у Малого значительно больше. И на наши спектакли появляется достаточно прессы, иностранные рецензенты пишут о том, что они, наконец-то, увидели настоящий русский театр. Я недавно ставил в Финляндии «Лес». Были, наверное, и отрицательные статьи, но были и те, которые отмечали принадлежность этого спектакля к русской театральной традиции. Я никому за статьи не платил. Некоторые приглашенные режиссеры делают много шума своими премьерами, но затем их постановки быстро снимают.

В Москве Малый театр при самых средних сборах ежедневно вмещает около полутора тысяч зрителей на двух сценах. А на некоторых спектаклях аншлаги. Постановки идут по десять, пятнадцать, двадцать лет. Неправда, когда говорят, что это уже старо и обросло штампами. Если зрители приходят, значит им интересно, их трогает. Конечно, я убираю спектакль, когда он теряет прежнюю силу. Заменить актеров очень трудно. Но если есть возможность спектакль реанимировать, то я это делаю. Ведь когда человек лежит в реанимации – его спасают. Неправильно говорить: «Ох, опять спасли этого уродца, лучше бы уж помирал». Мы сохраняем «Вишневый сад», поставленный Игорем Ильинским, потому что в этой постановке есть Чехов, и там есть сегодняшшний день, хотя сказано об этом не напрямую. В спектакле играет абсолютно новый состав.

Когда утверждают, что традиционный театр погиб – это не случайно. Театр не погибнет никогда, пока в зрительном зале сидит хоть один

человек. Когда Малый приезжает на гастроли в провинцию, надо видеть, с каким волнением люди идут на спектакли. Я нашим молодым актерам говорю: «Посмотрите зал!». Женщины надевают красивые платья, зимой меняют сапоги на туфли, как было и в позапрошлом веке. Понаблюдайте, как они ведут под руку своих мужей, которые, наверное, с удовольствием пошли бы в какое-то другое место, но они идут выбритые, причесанные, в белых рубашках и иногда даже в галстуках. Это дорогого стоит. И когда люди сидят в зрительном зале, который битком набит, то испытываешь необыкновенное чувство слияния сцены со зрителем, которое, как писал Чехов, «нельзя ни назвать, ни описать». В этот миг создается искусство, сердце бьется в других ритмах и у актеров. Глубокая долгая пауза после спектакля дороже всяких аплодисментов.

Когда мы с женой смотрим церемонию вручения «Оскара», то я вижу, что на лицах гостей нет злобы, даже если они, номинируясь, не получают премии. Почему они уважают себя, друг друга, зрителей – стараются выглядеть празднично?! Я не понимаю, почему у нас не может так быть.

Я советую своим артистам, если ты собираешься пойти на спектакль и у тебя есть хороший костюм – надень его. Меня так учили, это тоже традиция, форма уважения. Куда все ушло теперь? Сейчас можно ходить в рванье, непричесанным.

Актер снялся в многосерийном фильме – и уже звезда. Не слишком ли много звезд появилось, больше, чем на небе – это противоестественно.

4. Чтобы иметь независимое суждение, для этого нужно быть мужественным человеком, потому что ты будешь выступать против группы. И жить критикам на что-то надо, поэтому приходится быть иногда вынужденно необъективным, но это разумеется не оправдание, чтобы работать мощными кулаками. Если кто-то без кулаков, то уходит из профессии, занимается преподаванием, научной деятельностью. А «бойцы» лезут дальше, не понимая того, что они топчут землю, которая их кормит. Вот трава растет, ее едят козы и коровы, они, в свою

очередь, дают молоко, которое все мы пьем. Так зачем луг-то в пустырь превращать?! Быть честным сейчас очень трудно. С одной стороны, я этих критиков по-человечески понимаю, с другой – посоветовал бы сменить профессию.

5. Допустимо, но не за деньги. Если за деньги, то ты будешь не объективен. Малый театр совместно с тамбовским губернатором уже много лет проводит фестиваль, посвященный русским артистам. В рамках фестиваля присуждается премия провинциальным актерам в номинации лучшая мужская и женская роль. Мы не платим критикам и приглашаем тех, кто принадлежит, скорее, демократическому направлению. Тем же, кто занимается постоянным мордобоем, этот фестиваль неинтересен, потому что мордовать нельзя. В общем, в любых случаях жизни нельзя пребывать в озлобленном состоянии. Но иногда тебя целенаправленно заставляют быть ожесточенным и злым.

6. Интернетом не пользуюсь. Мне докладывает внучка. Каждую неделю я прошу принести мне все, что пишется о культуре. Читаю эту подборку, с чем-то соглашаюсь, с чем-то нет. В отзывах всегда могу отличить, где пишут о друзьях-знакомых, а где дана объективная оценка.

7. Что изменилось, то и отражается.

8. Преобладание театральной журналистики над критикой? Тут бы я даже поспорил. Сейчас выходит много театральных книг. Их нужно читать обязательно, потому что каждый раз находишь новое и нужное для себя, даже если автор этих книг ты не очень ценишь.

9. О рассадке я не думаю. Этим занимается литчасть. Если критики пришли – спасибо. Мы принимаем всех одинаково.

Валерий ФОКИН

Режиссер. Художественный руководитель Александринского театра. Санкт-Петербург. Президент Центра им. Вс. Мейерхольда

1. К сожалению, сегодня остались единицы тех, кого можно причислить к настоящей критике. В основном, есть поверхностная журналистика, не имеющая отношения к критике, которую отличает от первой аналитическое

мышление. А вот кланы, напротив, процветают и расцветают. Есть ли опасность? Конечно, есть!

2, 3. Случалось и не один раз. Более того, эти статьи, написанные по поводу моих работ, иногда становились для меня важными как для режиссера, поскольку помогали осознать, куда я иду, в какую сторону осуществляется развитие. Такие суждения выходили для меня за рамки оценки конкретного спектакля. Не могу сказать, что таких статей в моей жизни было много, но пару раз точно. Когда подобное случается, ты понимаешь уникальность и важность момента: ты не реагируешь, когда тебя только ругают, а благодарен за исследование, за конкретную помощь в твоём развитии. Такое бывает крайне редко. Опять же, это возможно, когда есть настоящая критика. Когда ее нет – тогда нет.

4. Конечно, возможно, почему же невозможно. Что мешает? Разнообразные мотивы, в том числе и финансовые, материальные, а также и клановость, о которой говорилось в ответе на первый вопрос, поскольку все, что связано с подробным, серьезным анализом существует сегодня как бы на периферии. Слова Мережковского, сказанные в прошлом столетии: «В ход пошло все, что пошло», – можно вспомнить и сегодня. Сейчас другое нужно – газетам, СМИ. А раз другое нужно, то критики, кто помоложе, в силу разных причин стараются подстраиваться под это «другое» и перестают быть независимыми, художественно объективными, что собственно и есть проявление клановости. Ведь совсем не обязательно сбиваться в стайку из двух-трех человек. Есть ведь еще общая политика,

которая требует именно упрощенных подходов. К сожалению, мы живем в таком вот времени.

5. То, что критик может быть одновременно куратором и обозревателем – вполне возможно и допустимо, а вот оценивать и награждать собственные проекты, наверное, не стоит, потому что здесь теряется объективность, которая и так очень зыбкая в оценке работ наших коллег. Это весьма сложный вопрос, тем более, что мы сегодня разрушили почти все критерии. Опять же – тенденция времени. Профессиональный внутренний счет есть, а общих критериев нет. Удержаться на границе художественной справедливости, особенно при распределении премий, очень сложно, поэтому лучше свои проекты не оценивать.

6, 7. То, что информации о театре недостаточно, – совершенно очевидно. В Интернете нет культурного контента, наличия художественной содержательности. Есть несколько порталов, которые освещают театральные события, но контента художественного, который бы, обращаясь к театру, включал в себя аналитические рецензии, серьезные профессиональные обсуждения проблем, привлекал внимание к исследовательской деятельности, оценивал бы общие процессы, – такого, конечно, нет. Если такие программы появятся, то это будет правильно, поскольку без Интернета жить теперь невозможно. Интернет активно вмешался и продолжает вмешиваться в нашу жизнь. А как он влияет на институт критики? Конечно, влияет – все хотят быть модными сегодня. Интернет обладает такой опасной способностью для критики, когда нужно подлаживаться под мнение зрителя, что, на мой взгляд, очень вредно. Если ты будешь полностью зависеть от посторонних суждений, того, что там пишут критики, ты сам потеряешь независимость и самостоятельность. Наоборот, иногда уважаемые пользователи Интернета должны дорасти до понимания чего-то в театре, их надо просвещать, воспитывать, а не опускаться до них.

8. Вообще в развитии театра это преобладание мешает и сильно мешает, потому что

я помню тех, кто с моей точки зрения принадлежал настоящей критике, тех, кто приходил на спектакль не один раз, чтобы написать рецензию, потому что они давали не просто отзыв, а делали анализ, делились глубокими и серьезными размышлениями. Помню, как тот же А.П. Свободин смотрел дважды спектакль и говорил, что, прежде, чем писать, ему надо еще раз прийти. В этом смысле старая школа, как мне кажется, была настоящей и верной. Из критики ушло осмысление театра

9. Важно, потому что между критиками тоже есть отношения, что надо учитывать, чтобы не мешать их работе, ведь они в зрительном зале работают.

Алексей БОРОДИН

Режиссер, профессор кафедры мастерства актера РАТИ (ГИТИС)

Художественный руководитель Российского академического молодежного театра

Любая клановость опасна – как в критике, так и в режиссуре. И в той, и в другой профессии должно побеждать личностное начало, оно должно оставаться свободным. А вот когда люди собираются в кланы, – это совсем уже другая история, не самая хорошая.

Какая-то клановость, безусловно, существует, но, по моим ощущениям, в самое последнее время начинает понемногу расшатываться. Я могу ошибаться, но мне кажется, что тенденция зашла в определенный тупик, и уже начинают возникать, выделяться

индивидуальности, личности, которым ни дружеские, ни коллегиальные отношения не помеха в профессиональной работе.

Тем не менее, по прежнему бывает, когда оглядка на то, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна», доминирует над необходимой в театральном деле дискуссионностью. Это опасно и вредно, мешает взаимодействию между нашими профессиями – режиссерской и критической, такими разными, но связанными между собой.

Конечно, все, что я сейчас говорю, относится к серьезной критике, а не к той, которая способна лишь ставить оценки – положительные и отрицательные. Это совершенно напрасный труд, который ничего и никому не дает.

Мне кажется, как раз сегодня назрела необходимость в глубоких размышлениях, в анализе, а не в скороспелых, поверхностных текстах.

Я понимаю, что существует газетная журналистика, реакция которой должна быть моментальна. Пусть так и будет. Только тогда рецензия или заметка должны оставаться частным высказыванием отдельного, конкретного человека, а не «сообщества» или клана, как вы говорите.

2,8. Сейчас меня, скорее восхищают не рецензии, а исторические книги о театре. К примеру, то, что делает Инна Натановна Соловьева и ее сотрудники в Художественном театре. Вот это по-настоящему глубоко и интересно. Создается какая-то пристрастная, но вместе с тем, объективная живая, объемная картина театра и времени, возникающая из текста.

О статьях, посвященных сегодняшнему театру, говорить непросто. Конечно, я их читаю и попадаются довольно любопытные, изредка – даже глубокие. Но повторюсь, мне неинтересно, если в рецензии просто выставлены оценки. Мне важно, чтобы они сопровождались размышлениями и объяснениями: почему «да» и почему «нет».

Мы все живем в движении времени, и спектакль – тоже. С этой позиции его и надо рассматривать. Я понимаю, что в размерах газетной рецензии настоящий анализ почти не возможен, но ведь в этом и заключается профессионализм: нужно суметь. Если человек

берется писать и судить, необходимо оттачивать мастерство, которое позволит высказаться кратко и емко, в широком аспекте. Поэтому я и говорю, что сегодня интереснее читать именно исторические книги. В них ощутим контекст, фон времени, тогда как в газетных блиц – рецензиях авторы лишь выхватывают отдельные моменты, вне какого-то ни было целого.

Наблюдать за жизнью театра увлекательно, необходимо и важно так же, как за жизнью человеческой. Ведь находились же среди критиков люди, которые, день за днем прослеживали жизнь МХТ. Обидно, что театральное прошлое кое-кого сегодня интересует всерьез, а вот о современном театре в освещении сегодняшней критики – этого не скажешь. При том, что есть коллективы, которые и сейчас могут глубоко заинтересовать. Не обязательно очень успешные, а такие, которые развиваются тихо, не торопясь. Иногда даже кажется, что они застаиваются, но и о них писать и размышлять полезно. Теперь же оглядываясь назад, в прошлое, мы находим ответы на вопросы, волнующие сегодня, куда чаще, чем в публикациях о современном театре.

Все-таки критика – очень тонкая профессия. Если у пишущего нет желания добраться до сути, попытаться понять, что за явление перед ним, – то и говорить не о чем. Плохо, когда личные амбиции, уверенность в собственной изначальной правоте, застилают автору глаза. Критик должен думать и не бояться сомнений, не скрывать их от читателей. Иногда самое интересное, когда варианты оценок, подходов к спектаклю присутствуют в статье хотя бы в нескольких коротких абзацах. Категоризм, безапелляционность отталкивают от текстов.

Критика – художественная профессия, а следовательно, нельзя не заботиться о словах, о литературном уровне письма. (Не говорю уже о том, что в нынешних статьях о театре зачастую встречается откровенное хамство).

Конечно, кого-то интересуют рейтинги, – пусть будет и так. Но меня в критических статьях более всего увлекает серьезное, спокойное суждение и размышление... Иногда кажется, что критик существует вне театрального процесса, тогда как он должен находиться внутри,

при этом видеть явление «свысока» – не в смысле уничижительном, – а чтобы охватить его в целостности и движении. Трудно..? Но на то он и критик.

Очень редко сегодня встречаются статьи, в которых виделась бы перспектива жизни режиссера, актера, театра, движение их судеб не только вперед, но и с «откатами» назад. Верхоглядство, жестокость суждений, в которых нет ни проблеска искреннего чувства, – вот что меня более всего возмущает. Хотя сегодня меня уже ничто не возмущает. Иногда – удивляет.

3. Конечно, серьезный критический разбор, если он убедителен, может повлиять на мою творческую жизнь. Причем не столь важно был ли этот анализ для меня малоприятен, или, напротив, куда-то меня приподнимал. Когда видишь, что статья написана не для того, чтобы восхвалить или унижить, то прислушиваешься к ней намного больше. Самая большая радость, когда, читая статью, видишь, что пишущий разбирается в предмете не хуже (извините за наглость) меня. А уж если он понимает дело лучше – это уже праздник. Я, режиссер, не должен быть умнее статьи, – вот тогда все хорошо.

Отношусь ли я к критике, как Тригорин? В каком-то смысле, конечно. Это естественно для человека. Только влияет она не на настроение мое, а на «творческую часть» нервной системы.

Самое страшное – это один из главных кошмаров любого режиссера, – что все критики являются на самый первый спектакль, на премьеру. Какая-то очень неправильная и вечная тенденция. Постоянно пишущих критиков интересует прежде всего именно первый спектакль, а ведь дальше, «познакомившись» со зрителем, спектакль растет, над ним работают... Правильно делал в свое время Художественный театр (мой любимый в историческом смысле), когда увозил премьеру куда-нибудь в Тулу, Рязань, Ярославль и только потом показывал своей московской публике и критике.

4. С высокой точки зрения критик должен быть независимым. Зависимый критик – не критик. Честно говоря, мне кажется, что театральные критики довольно независимы внутри печатных изданий. Ведь в нетеатральных

изданиях, особенно в газетах, место театра – двенадцатое, и туда, вообще, никто не заглядывает. Конечно, я шучу – просто не знаю. Не знаю, что мешает критику оставаться независимым. Мне кажется, это внутреннее решение каждого отдельного человека.

Конечно, люди находятся на службе, у них есть, наверное, какие-то обязательства перед газетой, возможно, какие-то идеологические обязательства... Почему большинство критиков более старшего поколения почти перестали писать о сегодняшнем театре? Они занимаются историей театра, другими театральными проблемами. Это странно. Но, наверное, о чем-то это говорит. Может быть, они как раз хотят сохранить свою независимость? Не хотят попасть в эту своего рода внутриклановую зависимость или в зависимость от тех или иных обстоятельств?

5. Все зависит от личности. Все совершенно нормально, если человек отдает себе отчет в том, что здесь он находится в роли критика, а там – в роли члена жюри. Впрочем, эти две роли вполне близкие. А вот организатор фестиваля – совсем другая роль. Конечно, личность критика не может не проявляться в момент отбора фестивальных спектаклей. Это опять же нормально. Но чтобы судить этот же фестиваль, необходимо подняться над своими вкусами и пристрастиями, а это уже крайне сложно. Главное, критик должен понимать, что фестиваль – это его частное дело, а критика – дело куда более ответственное и не терпящее вкусовщины. А сейчас слишком часто люди перестали брать на себя ответственность за написанное, печатное слово. Им кажется, что этой ответственности нет, что можно писать все, что угодно. Одним словом, все это вопросы профессионализма. Все-таки профессия критика требует очень определенных качеств от человека.

6. Сидеть в интернете ночами напролет и все подряд читать – невозможно, но я в курсе того, что там происходит. Просто у нас очень хороший rg-отдел, который делает для меня полные подборки того, что пишется о театре. Отбрыкиваться от этого не надо. Конечно, бывает, что в сети пишут графоманы, но иногда встречаются такие разборы, которых не

прочтешь ни в одной профессиональной критической статье.

7. До режиссерского факультета я три года учился на театроведческом у Павла Александровича Маркова, который был нашим педагогом и руководителем по критике. Марков, Алперс, Бояджиев – все они были моими педагогами. И это была школа очень высокого уровня. Требовательность к себе была у них крайне высокой и серьезной. И вот они обладали той самой широтой взгляда – именно широтой, а не вкусовщиной. Великолепно разбирались в театральных профессиях, и суждения их были не точечными, а широкими. Даже сейчас, перечитывая четырехтомник Маркова, видишь, насколько свободны его суждения. При всем том, что они-то как раз находились в не свободных обстоятельствах. При всей разности индивидуальностей их всех (Маркова, Алперса, Бояджиева, моих учителей в режиссуре Завадского и Кнебель) объединяло многое. Прежде всего, уровень культуры.

Именно уровень культуры – главная проблема нашей жизни. Не только театра или театральной критики – всей жизни. И этот уровень сейчас сильно снижен. Есть некое пространство ямы, в которой мы оказались. Но сейчас появляется надежда. Среди молодых ребят появляются «корневые». Само это понятие «режиссер корня», «критик корня» – оно чрезвычайно важно, и столь же важно его не утратить.

Вот это интересно – кто из сегодняшних критиков сохраняет эту корневую систему? Или все уже давно оборвано? Время идет мощно. «Мы наш, мы новый мир построим» – очень глупая позиция. Мир можно и нужно развивать, чтобы он не костенел, что напрямую относится к критикам.

9. Нет, опять же доверяю нашим администраторам.

Сергей ЖЕНОВАЧ

Режиссер, профессор, заведующий кафедрой режиссуры драмы РАТИ (ГИТИС)

Художественный руководитель Студии Театрального Искусства

1. Я про клановость ничего сказать не могу – просто не знаю, что это такое, не понимаю. Я ее не ощущаю.

2. Тоже странный вопрос. Не понимаю, почему критические статьи должны вызывать яркие эмоции. Для меня театральный критик – это, прежде всего, театровед. Человек, который любит и чувствует театр, который пытается понять, почувствовать спектакль и высказать свои суждения по его поводу. Скорее всего, он должен разгадать тайну спектакля. Почему он должен обязательно осуждать или восхвалять его? Для меня профессия театрального критика – это продолжение работы режиссера, артистов; это те работы, которые проникают в сущность спектакля, который ты сочиняешь. А нравится – не нравится... этого я не понимаю, это уже не относится к театроведению и театральной критике.

3. Глубоко ошибочное мнение, что статьи не могут быть полезны. Они пишутся не для режиссеров и артистов, а для зрителей, чтобы те могли ориентироваться в театральном пространстве и выбирать тот спектакль, который им будет ближе, интереснее. Переписки через газету критика с режиссером быть не может – это просто неинтересно. Если человеку хочется поговорить с создателями спектакля, для этого можно просто позвонить или прийти и пообщаться.

4, 6. Сегодня я вижу людей, которые за короткий срок могут сформулировать впечатления от спектакля. Назовем это – журналистские эссе. Для меня критический разбор, критический анализ, театроведческий анализ – это, прежде всего, восприятие спектакля и проникновение в его образную структуру. Понять затею, понять стили и жанры,

проникнуть в композицию, проанализировать актерскую игру не с точки зрения рейтинга и вкуса, – вот задачи критика. Мне кажется, беда сегодняшних статей – это вкусовщина, которая возникает от того, что авторы не понимают, что такое театр, не чувствуют театр, не любят его. Конечно, есть люди, которые просто получают удовольствие от театра, но их все меньше и меньше. А главное, нет изданий, в которых они могли бы помещать свои аналитические разборы. То, что сегодня печатается в газетах, – это все больше впечатления. Порой очень поверхностные, порой очень невдумчивые и носящие случайный характер.

Сегодня, когда интернет ворвался в жизнь, время так переломилось и изменилось, что читать в интернете высказывания интеллигентных и умных зрителей гораздо интереснее, чем листать некоторые театральные рецензии. Потому что эти люди любят театр, и они не оценивают спектакль – они его постигают (что интересно), и ты следишь за этим постижением.

5. Весь театр – это мир игры. Театр – это лицедейство. Если фестиваль выделяет ту или иную работу, спасибо ему за понимание и за приятие. Не более того. Одной группе людей будут нравиться одни спектакли, другой группе – другие. Объективности в оценках быть не может. Объективность может быть только в одном: это халтура или это явление драматического искусства. Вот в этом, по-моему, ошибок не бывает.

Я более того скажу: постановки, которые действительно вынашиваются, которые выстраданы, в которых найден новый способ игры, – не всегда сразу воспринимаются, как любое по-новому написанное стихотворение или роман, или повесть. Люди, которые немножечко талантливы (назовем это так), чуть-чуть опережают время и сознание (не побоюсь сказать) критиков. Поэтому иногда должно пройти время, чтобы пишущие о театре осознали место того или иного спектакля в театральном процессе. Если мы говорим о настоящем театре, а не о каком-то досуге или развлечении, когда делается продукция, которая утоляет жажду веселья и отдыха.

Так что, если мы говорим о серьезном театре, иногда бывает, что люди не угадывают

спектакль, а проходит время и восприятие меняется. А фестиваль и награды – это игра, которая очень субъективна. И к этому нужно относиться легко, радостно и, прежде всего, радоваться за коллег. Но ни в коем случае не относиться к этому серьезно, как к каким-то медалям за боевые заслуги во время Великой Отечественной войны.

Фестивали должны быть разными, ведь это один из способов знакомства с театрами, а не политика и не идеология. Очень важно относиться к театру, как к способу познания, погружения в ту реальность, в которой мы существуем, поставить вопросы и ответить на них через образы, художественные решения, дай Бог, через открытия... А приводить это все к киноиндустрии, превращать во вручение и раздачу статуэток: это хит сезона, это провал сезона, – глупо. И когда взрослые люди в это играют, мне становится грустно и скучно.

7, 8. Наверное, время сегодня не требует глубокого анализа. Нет таких изданий, которые этим бы занимались. Но есть люди, которые любят, чувствуют и понимают театр, которые всегда были, есть и будут. Они не находятся в «тусовочном» списке, они не печатаются в модных изданиях, но они существуют. Как правило, это люди, которые сейчас обмениваются своими мыслями в интернете, либо в тех нескольких оставшихся серьезных журналах, где можно что-то прочесть и узнать о театральном процессе. Но этого очень мало, и, наверное, для серьезного разговора о театре не хватает.

Как это изменить? Не знаю, должны быть, наверное, издания академические, элитарные, профессиональные (не стоит бояться этих слов), а не безграмотные. Я застал великих театральные люди. Мне повезло, что на мои спектакли писали рецензии такие люди, как Наталья Анатольевна Крымова, Инна Натановна Соловьева, Алексей Вадимович Бартошевич, Борис Николаевич Любимов, Вадим Моисеевич Гаевский, – я могу продолжить этот список. Наталья Анатольевна Крымова, к примеру, никогда не писала после первого просмотра рецензию – обязательно смотрела спектакль несколько раз. Более того, она еще звонила по телефону, что-то

уточняла... Я однажды был у нее в гостях и помню, как на полу лежали раскрытые книги Яна Котта о Шекспире и другие, потому что она работала над рецензией о «Короле Лире». Я тогда был молодым режиссером, но она не стыдилась мне звонить, спрашивать, с чем-то соглашаться, с чем-то нет, но она трудилась, постигала спектакль. Даже такого начинающего режиссера, каким в тот момент был я. Это вызывает колоссальное уважение и интерес. Ты можешь с этими суждениями не соглашаться, не принимать их; они могут быть ближе или дальше от твоего замысла, но они тебе интересны как факт театроведческой мысли.

Сейчас же появляются в основном оценочные и очень быстрые статьи. Люди приходят на спектакль, а утром уже печатают рецензии.

Чем отличается человек, понимающий в театре, от человека, делящегося впечатлениями от спектакля? Человек, чувствующий театр, как музыку, проникает в структуру, а не в «секундное» сегодняшнее представление. Спектакль может быть лучше, может быть хуже – это живое дело. А если человек не чувствует структуру и художественную целостность, темпоритмическую и смысловую композицию, не понимает язык режиссера, профессии актера, музыкального и пространственного решения, у которого просто отсутствует вкус к пространству, который просто не понимает, что такое развитие ритма в пространстве, – о чем может быть речь..? О том, что режиссер хотел сказать то, а получилось другое, или не получилось ничего? На мой взгляд, это любительские эскизы, которые не дают ничего ни зрителям, ни людям, которые занимаются театром.

Если спектакль значим, то на него, конечно, надо обратить внимание. Кого? Зрителей. Потому что театр не может работать без зрителя, а зрителю важно понять тот театр, который он любит, обрести свой театр, обрести своего режиссера, свою группу артистов, приходиться и любить этот театр. Как раньше любили Малую Бронную, когда там работал А.В. Эфрос и Дунаев; как ходили на Таганку; как ездили в БДТ смотреть на это высказывание. Я помню, я приезжал смотреть спектакли Эфроса, которого боготворил, и у меня не было даже вопроса:

нравится мне это или не нравится, – я без этого жить не мог, мне хотелось этого впечатления, чтобы я его нес и существовал в этом впечатлении. И дальше оно мне помогало в той или иной жизненной ситуации. Я просто что-то понимал про эту жизнь. У меня была потребность. Я не решал, пятерка это или четверка, удался Эфросу или не удался его же собственный замысел, – это чушь, по-моему, полная. Я смотрел Эфроса, смотрел Товстоногова, смотрел Любимова, как я сейчас смотрю Лепажу, как я сейчас смотрю спектакли своих коллег. Я смотрю их мышление и пытаюсь разгадать, почувствовать, что их завело на эту работу; пытаюсь чему-то поучиться, чему-то удивиться, взглянуть по-другому на ту реальность, которая вокруг меня.

Мне кажется, спектакли должны быть не такими, какими их ожидают увидеть. А ценностный ряд, вот эта пресловутая рейтинговость, мне кажется, просто чума театрального процесса. Поначалу это вызывало недоумение, а потом я просто перестал обращать на это внимание.

Мне кажется, театральная критика – это часть театрального процесса и ни в коем случае не судья, и ни в коем случае не истинный критерий того, что происходит. Просто мы находимся внутри работы, а люди, которые воспринимают, – вне работы. Как зеркало. И вот хочется понять, как ты отражаешься. Не для того, чтобы измениться, а для того, чтобы просто продолжать делать свое дело. Потому что по-другому ты не можешь. Тебе нужно понять, как другие воспринимают твое произведение, но себя никогда не корректируешь и не чистишь, и трагедии нет никакой если кто-то что-то не понимает. Мне иногда очень жалко коллег или молодых ребят, которые столько темперамента тратят, вступая в полемику и переписку с каким-нибудь с критиком.

Театр – это единственный вид искусства, который развивается во времени. И чтобы его понять, надо посмотреть несколько раз: как он дышит, живет, меняется. Как и серьезную глубокую музыку, как и хорошую картину. Вы же не будете писать впечатления о художнике Ван Гоге, один раз посмотрев его подсолнухи?

Другое дело, нужно ли это смотреть. И есть ли любовь к театру. А иногда люди пишущие не чувствуют театр. Вот вы можете себе представить людей, которые без слуха пишут о музыке? Или дальтоники, пишущих о живописи? Вот и театр – это отдельный вид искусства. И чтобы его понять, надо, прежде всего, на него «подсесть», его очень любить, чувствовать, а дальше уже можно в этом процессе существовать. Одни этот театр создают, другие его постигают, осмысливают, осознают.

А все эти маленькие заметочки с большими фотографиями носят, скорее, характер корреспонденции, характер сообщения факта: мол, вышел такой спектакль, мне кажется, не совсем сложился, а мне кажется, что спектакль вырастет и будет чуть получше. Пишутся такие статьи очень обтекаемо, и просто идет такой поток. Как к ним относиться? Да никак. Написали – спасибо. Я думаю, что так.

9. Я воспитан ГИТИСом, воспитан режиссерским факультетом, воспитан Трифоновкой – пятым этажом, когда на пятом этаже жили театральные критики.

Конечно, театральные критики должны сидеть удобно, чтобы воспринимать спектакль. Это естественно. Я отношусь и к критикам, и к режиссерам, и к артистам, и к сценографам, и к художникам по свету, как к людям, которые вместе являются театральной братией. И когда приходят коллеги – студенты, тем более, – всех надо сажать удобно и хорошо. И зрителей тоже. Вообще, в театре должно быть всем хорошо, приятно и интересно. Просто это твой дом – и ты приглашаешь гостей.

Андрей МОГУЧИЙ

Режиссер, создатель «Формального театра», режиссер-постановщик Александринского театра (СПб)

1, 4, 7, 8. Про клановость ничего не могу сказать. Стараюсь быть не в курсе. Наверное, есть. Не знаю, как отвечать на этот вопрос... Зависимость критики ощущаю, но не от клановости, наверное... Хотя, и от клановости тоже. От трендов, от моды, от фуршетов в антракте, от редакционной политики издания,

в котором работает критик (журналист) ну и прочих малоинтересных причин.

Мне критику, за редким исключением, читать стало практически неинтересно – могу констатировать этот факт. Описания собственного спектакля часто неточные? Зачем мне, человеку, который и так все это видел неоднократно? Если меня интересует – позитивна или негативна оценка спектакля – читаю последний абзац, по которому все понятно. Грамотный разбор спектакля – раритет.

Конечно, тот, кто не видел спектакль, должен понять со слов журналиста, что там было. Может, я ошибаюсь, но для меня журналистика и театральная критика – две разные вещи. Я их вообще никак не связываю.

Как-то на одной из режиссерских лабораторий молодежь буквально набросилась на очень уважаемого мною критика. Я говорю: «Угмонитесь, вы видите, перед вами сидит грамотный, профессиональный человек, очень любит молодежь, очень любит лаборатории, очень грамотно разбирает спектакли, очень правильно про них говорит, дружелюбно. Я на 99,9 процентов согласен практически по всем оценкам, но когда читаю то, что она пишет в прессе, то, кажется, я знаю двух разных людей. Какое мне дело до того, что она пишет, если мне интересно она сама и ее профессиональная оценка сказанная «не за глаза».

Мало ли причин и мотиваций (включая психотерапевтические) у журналиста-критика писать так, а не иначе. Критик встает на территорию публичности и его артикуляция меняется.

Нельзя терять чувство юмора, в конце концов. В нашей профессии собрались не самые плохие люди, проживающие на этой планете. И проблемы наши не такие уж злобные. А художественные амбиции и уязвленное самолюбие – лишь топливо для дальнейшей движухи.

С другой стороны, есть просто оценочная критика, которая имеет отношение к товару. Три критика хорошо написали, два плохо. Кто-то прочтает, пойдет – купит билет, а кто-то нет. Хотя и тут все не так. К примеру, на спектакле, который раскритиковали, зрителей пруд пруди, если там играет, человек из телевизора. И наоборот. Это всем известно.

Другое дело режиссер! Режиссера ведь мало кто знает, кроме родственников, ну и пары-другой сотен знакомых, восторженных студентов и другой просвещенной публики. Именно с помощью критики режиссер, действительно, может нарастить себе вес, получить очередную «Золотую маску» и стать дороже от этого в глазах продюсеров. Вот это по-настоящему приятно. Поэтому с критиками у меня уважительно-хорошие отношения. Я действительно им обязан (говорю без всякой иронии). Но, откровенно говоря, доверяю мнению немногих, причем чаще не письменному, а устному суждению – тому, что человек в глаза мне говорит. Таких, повторюсь, три-четыре человека, которые зла мне не желают и не решают за мой счет своих собственных проблем. Просто, чтобы мне сказали, чего я сам не понимаю, где я «налажал» в спектакле, а где – «сам-то ты понимаешь что сделал?»

В свое время был важен для меня Леня Попов (1966–1999), остается важным Коля Песочинский. Они могли посадить меня на диван (речь идет о периоде работы «Формального театра» в «Балтийском доме») и сказать: «Знаешь, Андрей, мы, конечно, сказали на дискуссии, что все было отлично, но на самом деле это не совсем так...». И я их слушал. Шел обмен мнениями, впечатлениями, диалог, в котором обе стороны старались понять, что же в результате получилось.

Александр Анатольевич Чепуров как-то рассказал мне чудесную историю, про его разногласия с Г.А. Товстоноговым по поводу трактовки одного из его (Товстоногова)

спектаклей. Пересказывать историю я не буду, приведу только неточную цитату ответ Георгия Александровича – Александру Анатольевичу: «Вы (критики) нужны именно для того, чтобы объяснить мне, что я сделал». Еще раз прошу прощения за возможную неточность цитаты, но, смысл, надеюсь, я не искажил. Критика – это процесс взаимный, обогащающий обе стороны процесса. А публичность журналистики, сейчас я даже не о критике говорю, лично для меня бессмысленна.

2, 3. Что раздражает? Хамство. Я не боюсь резких тонов, но сам я не могу ответить журналисту. Писать в ответ я не буду. Еще с советских времен у нас люди газете верят. Если написано, значит, писал умный человек, а я-то, знаю что он...ну... не вполне... Мало внятных людей. Меня иногда хвалили так, что лучше бы уж ругали. Болезненно отношусь к чужим неудачным спектаклям. У меня начинает болеть голова, спина и другие части тела. У критиков, наверное, вырабатывается какой-то иммунитет. А я мучаюсь физически. Однако когда я вижу хорошие спектакли, то у меня наступает эйфория. Правда, последнее случается гораздо реже. По пальцам можно перечислить спектакли и фамилии режиссеров.

Могу сказать, что для меня сегодня очевидно одно: я часто сталкиваюсь с тем, что и критики, и режиссеры не умеют отличить имитацию от подлинности. Доказать это невозможно, но я всегда чувствую, что вот здесь режиссер не только никак не затратился, но у него и задачи такой не стояло. А есть работы, которые сделаны вроде бы и плохо, технически несовершенно, но настолько человечески искренне, что лично мне оказывается куда важнее. Я посмотрел один фильм, не буду называть какой, он мне не понравился, и я сказал своему другу Саше Маноцкову, что фильм плохой. Он ответил: «Не плохой, а не получилось. Это разное!» Я сразу же взял свои слова обратно, потому что сама попытка была честная. Создатели хотели выпрыгнуть за облака, но не допрыгнули. Так бывает!

Не смогли сделать, – это одно, а ловкая имитация – совсем другое. Последнее, увы, гораздо чаще поддерживается критикой, чем подлинные вещи, пускай и несовершенно.

Возникает вопрос, а есть ли критерии отличия подлинного от неподлинного? Думаю, нет.

Какой текст возмутил? Сейчас уже не помню, но вот однажды сдуру, по дружбе, пустил одного критика на генеральный прогон, после чего вышла статья, в которой были уничтожены артисты. После мне пришлось все собирать заново. Это тяжело, поскольку артисты ранимы особенно на той стадии, когда многое не определено, трепетно. После этого я никогда не пускаю критику на прогоны

5. Тут два разных вопроса. Если критик оценивает и награждает свои собственные мероприятия, это, наверное, неправильно. Критик как куратор фестиваля? Почему бы нет, не понимаю, почему нельзя. Думаю даже, это естественно. Кто как не он, имеющий колоссальный опыт фестивальных просмотров, может выбрать лучшее, мне кажется – это часть профессии.

6. Интернет-пользователем являюсь.

Однажды мне прислали ссылку на «comments» зрителей. Зрители обсуждали «Изотова». Стал читать. Вот это мне было интересно. Зрители так были «заточены» на суть, так точно говорили про спектакль, пусть (иногда наивно) его разбирали, что я подумал: «Может я все-таки делаю театр для людей?». Там шла война мнений, разворачивалась настоящая драматургия. Один (одна на самом деле) user такой разбор сделала, что, прочитав, я скорректировал два эпизода.

9. Есть такой термин – «психологическая эпидемия». Если, к примеру, один впадает в истерику, то в истерику следом впадает весь зал (или часть зала), поэтому сидение группыми в театре опасно. Рассадка очень важна (и не только критиков), но я ей не занимаюсь.

Иван ВЫРЫПАЕВ

*Драматург, актер, режиссер
Арт-директор Театра «Практика»*

1. Есть критики, которые чисто по-человечески симпатизируют тому или иному режиссеру, и они не будут писать о нем плохо. Что тут такого плохого? Такой процесс.

2. Нет такого текста.

3 Я читаю много критики, потому что проверяю, что «считывается» из зала. Читать критику – это часть моей работы, ведь после премьеры я продолжаю работу над спектаклем.

4. Независимых суждений нет и быть не может, потому что все явления в этом мире взаимосвязаны.

5. Я бы разбил этот вопрос. Да, считаю возможным и допустимым, чтобы критик оставался обозревателем по вопросам театра и одновременно был куратором фестивалей. А вот, чтобы он один в двух лицах оценивал и награждал свои же проекты... Но кто так делает. А что плохого в защите своих же инициатив? Ничего.

6. Пользователем Интернета являюсь. Информации о театре, полученной через Интернет мне более чем достаточно. Интернет дает возможность каждому быть критиком. Я больше читаю в Интернете мнения простых зрителей и зачастую эти суждения гораздо интереснее.

7. Не знаю, я не критик критикам

8. Никакого осмысления я не вижу. И мне как режиссеру это может и не очень нужно. Но зрителя жаль. Белинский однажды объяснил читателю, кто такой Достоевский, а вот сегодня еще ни один, подчеркиваю, ни один критик, по-настоящему не объяснил зрителям, что такое Театр. дос и «новая драма».

9. Смотря, в каком зале рассаживать. В МХТ – нет. В Театре. дос думаю лучше всех порассадить.

**Опрос провели Ольга Галахова,
Анастасия Баркар**